

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УРГЕНЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛЬ-ХОРЕЗМИ
Кафедра «Русского языка и литературы»**

Специальность: 5220100 – Славянская (русская) филология

**ВЫПУСКНОЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ОБЪЕКТ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО
СИНТАКСИСА**

**Камалова Халиуллы - студента 4 курса отделения
славянской (русской) филологии
факультета иностранных языков**

**Научный руководитель: Рузметова З.Н., кандидат
педагогических наук, доцент**

Ургенч – 2013

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
УРГЕНЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

Факультет иностранных языков

Кафедра русского языка и литературы

**СЛОВСОЧЕТАНИЕ КАК ОБЪЕКТ
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО
СИНТАКСИСА**

Исполнитель: Камалов Халиулла Рафик угли

Руководитель: доцент Рузметова Зульфия Назаровна

Ургенч – 2013

УРГЕНЧСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Факультет иностранных языков

Кафедра русского языка и литературы

ПЛАН ПОРУЧЕНИЙ ПО ВЫПОЛНЕНИЮ ВЫПУСКНОЙ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ:

1. Студенту Камалову Халиулле Рафик угли, согласно приказу ректора УрГУ № 169-Т от 27.11.12 г., для выполнения выпускной квалификационной работы решением заседания кафедры русского языка и литературы (протокол № 2 от 5.09.12 г.) утвердить тему «Словосочетание как объект функционально-семантического синтаксиса».
2. Решением заседания кафедры русского языка и литературы (протокол № 2 от 5.09.12 г.) утвердить научным руководителем доцента Рузметову Зульфию Назаровну.
3. Структурный состав выпускной квалификационной работы: выпускная квалификационная работа будет состоять из введения, двух глав, включающих в себя подразделы, а также заключения и библиографии.
4. Сведения для выпускной квалификационной работы будут взяты из научно-критических источников, художественных текстов, учебно-методических пособий, периодических изданий, различного рода словарей и библиографических указателей, а также будут задействованы ресурсы Интернета.
5. К выпускной квалификационной работе прилагаются: занимательный материал, таблицы, стенды, слайды, отзыв научного руководителя и рецензия.

О Т З Ы В

о выпускной квалификационной работе «Словосочетание как объект функционально-семантического синтаксиса» студента 401 группы отделения славянской (русской) филологии факультета иностранных языков Ургенчского государственного университета им. аль-Хорезми Камалова Халиуллы

Признавая общность функции словосочетания и слова, лингвисты стремятся так или иначе ее дифференцировать. Автор настоящей работы, вслед за другими лингвистами, считает основанием для разграничения функции слова и словосочетания соотнесенность этих лингвистических явлений с различными явлениями в сфере категорий мышления. Камаловым Х. рассмотрены различные подходы в соотнесении явления языка с явлениями мышления и окружающего мира.

Решая вопрос о функции словосочетания с учетом его знаковой специфики, автор полагает, что словосочетания являются частными знаками ситуации, несущими единичные порции информации о ней. Сложность и многообразие семантических отношений внутри словосочетания заставляют автора видеть в нем промежуточное звено между словом и высказыванием.

Большой интерес вызывают наблюдения автора над способом представления семантической структуры словосочетания, изучение которой помогают наглядно продемонстрировать их типы и разновидности.

Ценным является то, что на большом количестве примеров Камалов Х. подробно проанализировал основные функциональные типы словосочетаний и описал их логико-смысловую структуру. Все теоретические положения, изложенные в работе, подтверждаются большим количеством примеров. Композиция и стиль работы не вызывают существенных замечаний. Основные положения исследования изложены достаточно точно и последовательно.

На основе вышеизложенного считаем возможным констатировать о завершенности исследования Камалова Х. На наш взгляд, работа соответствует требованиям, предъявляемым к работам подобного типа, и может быть рекомендована к защите.

Научный руководитель:

**Рузметова З.Н., кандидат
педагогических наук, доцент**

РЕЦЕНЗИЯ

на выпускную квалификационную работу «Словосочетание как объект функционально-семантического синтаксиса» студента 401 группы отделения славянской (русской) филологии факультета иностранных языков Ургенчского государственного университета им. аль-Хорезми Камалова Халиуллы

Предметом исследования настоящей квалификационной работы является словосочетание в одном из наименее изученных его аспектов – функционально-семантическом. Здесь развивается взгляд на словосочетание как полный или частичный знак ситуации в соответствии с концепцией языка как знаковой системы особого рода, благодаря чему оказалось возможным построить типологию словосочетаний в новом аспекте. Критерием при классификации, как отмечает автор, послужила способность словосочетания обозначать ситуации различной сложности.

Основными положениями исследования Камалова Х. стали утверждения:

1. С помощью представления смысла словосочетания можно наглядно продемонстрировать смысловые структуры различной степени сложности и специфику информативной функции словосочетания.

2. Словосочетания различаются по степени функциональной нагруженности, что позволило автору сгруппировать их в два функциональных класса. Первый класс формирует словосочетания, представляющие собой полные знаки, то есть нормально нагруженные и передающие смысл эксплицитно.

3. Второй класс составили словосочетания с повышенной функциональной нагрузкой, передающие смысл имплицитно.

Работа Камалова Х. заслуживает внимания тем, что в ней представлен и осмыслен большой фактический материал, анализ которого дал возможность автору описать структуру и свойство словосочетания с точки зрения логико-смысловых связей.

Проанализировав довольно большой объем теоретической литературы, автор приходит к выводу о том, что логико-смысловая структура словосочетаний является полноправным объектом лингвистического исследования.

Квалификационная работа выполнена на должном научном уровне и отвечает всем требованиям, предъявляемым к работам подобного типа.

На наш взгляд, работа имеет важное теоретическое и практическое значение и может быть оценена положительно.

Рецензент:

**Пак В., учительница русского
языка и литературы шк. №15**

Директор школы №15:

Джанбекова Н.Ю.

Критерии оценок ГАК выпускной квалификационной работы

№	Оцениваемые аспекты	Высший балл
1	Освещение в вводной части ВКР актуальности темы, целей и задач исследования	10
2	Соответствие основной части работы требованиям Устава	35
3	Наличие в “Заключении” научно-теоретических и практических рекомендаций	10
4	Анализ соответствующих теме источников. Использование зарубежной литературы и материалов интернета	10
5	Соответствие дополнительного материала содержанию темы	10
6	Соблюдение грамматических норм при выполнении работы	5
7	Степень раскрытия содержания работы при защите. Уровень ответов на заданные вопросы	10
8	Участие с докладами на научно-теоретических конференциях и семинарах по теме ВКР, издание статей (тезисов)	10

Выпускная квалификационная работа на тему «Словосочетание как объект функционально-семантического синтаксиса» студента 401 группы отделения славянской (русской) филологии факультета иностранных языков Ургенчского государственного университета Камалова Х. представляется к защите ГАК на заседании от «___» июня 2013 года.

Государственная аттестационная комиссия определяет для выпускной квалификационной работы следующие показатели усвоения:

№	Оцениваемые аспекты	Высший балл
1	Освещение в вводной части ВКР актуальности темы, целей и задач исследования	10
2	Соответствие основной части работы требованиям Устава	35
3	Наличие в “Заключении” научно-теоретических и практических рекомендаций	10
4	Анализ соответствующих теме источников. Использование зарубежной литературы и материалов интернета	10
5	Соответствие дополнительного материала содержанию темы	10
6	Соблюдение грамматических норм при выполнении работы	5
7	Степень раскрытия содержания работы при защите. Уровень ответов на заданные вопросы	10
8	Участие с докладами на научно-теоретических конференциях и семинарах по теме ВКР, издание статей (тезисов)	10
	Итого:	

Решение государственной аттестационной комиссии:

1. Для выпускной квалификационной работы «Словосочетание как объект функционально-семантического синтаксиса» определить показатель усвоения _____ и оценить ее на « _____ ».

2. _____

Председатель ГАК: _____

Члены: _____

« _____ » июня 2013 г.

Кафедра русского языка и литературы факультета иностранных языков
Ургенчского государственного университета

Выпускная квалификационная работа зарегистрирована под номером _____.

Ф.И.О. студента-выпускника: Камалов Халиулла Рафик угли

Тема выпускной квалификационной работы: «Словосочетание как объект функционально-семантического синтаксиса»

Ф.И.О. научного руководителя: доцент Рузметова Зульфия Назаровна

Выпускная квалификационная работа рекомендована к защите ГАК решением заседания кафедры русского языка и литературы (протокол № 9 от 25.05.2013 года).

Рецензентом выпускной квалификационной работы назначена: учительница русского языка общеобразовательной школы № 15 Пак В.

Заведующий кафедрой: доцент Рузимбаев Х.С.

Согласен с рекомендацией кафедры выпускной квалификационной работы к защите на заседании ГАК.

Декан факультета:

доцент Рузметов Х.К.

Специальность: 5220100 – Славянская (русская филология)
Кафедра русского языка и литературы
Факультет иностранных языков
Ургенчский государственный университет

«Утверждаю»
Декан факультета
доц. Рузметов Х.К.

“ ___ ” _____ 2013 г.

Поручение по выпускной квалификационной работе

Студент: Камалов Халиулла Рафик угли

1. Тема исследования: «Словосочетание как объект функционально-семантического синтаксиса» утверждена согласно приказу ректора УрГУ № 169-Т от 27.11.12 г.

2. Срок сдачи работы: “24” мая 2013 года.

3. Перечень литературы, дающей первоначальные сведения по теме

- а) Грамматика русского языка. – М.: Наука, 1980.
- б) Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка. // В кн.: Исследования по общей теории грамматики. – М., 1987.
- в) Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о языке). – М., 1986.
- г) Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса русского языка. // В кн.: Вопросы грамматического строя. – М., 1987.
- д) Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. // В кн.: Семантическая структура слова. М., 1991.
- е) Распопов И.П. Язык как система знаков в свете философской теории отражения. // В кн.: Современные проблемы русского языка. – М., 1989.

4. Цель работы: построить типологию словосочетаний в соответствии с концепцией языка как знаковой системы особого рода.

5. Список дополнительного материала: слайды, Интернет-ресурсы.

6. Консультанты: доцент Артыкова Г.Ш., ст.преп. Палванова О.И.

Разделы работы	Ф.И.О. консультанта	Подпись, дата	
		Поручение дано	Поручение принято
Введение	Доцент Артыкова Г.Ш.	4.03.13 г.	14.03.13 г.
Первая глава	ст.преп. Палванова О.И.	15.03.13 г.	30.03.13 г.
Вторая глава	Доцент Артыкова Г.Ш.	2.04.13 г.	16.04.13 г.
Заключение	ст.преп. Палванова О.И.	17.04.13 г.	24.04.13 г.
Библиография	Доцент Артыкова Г.Ш.	25.04.13 г.	30.04.13 г.

Ф.И.О. рецензента выпускной квалификационной работы, ученая степень, звание: Пак Вероника, учительница русского языка общеобразовательной школы № 15

7. Научный руководитель: доцент Рузметова Зульфия Назаровна

Студент: Камалов Халиулла Рафик угли

(подпись)

Заведующий кафедрой: Рузимбаев Х.С.

(подпись)

Тема: «Словосочетание как объект функционально-семантического синтаксиса»

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4 - 7
ГЛАВА I. Теоретические основы функционального анализа словосочетаний.....	8 - 22
1.1. Вопрос о функциональной нагруженности словосочетания	
1.2. Характеристика применяемых методов и исследуемого материала	
ГЛАВА II. Словосочетания как объект функционально-семантического синтаксиса.....	23 - 51
2.1. Способ представления семантической структуры словосочетаний	
2.2. Словосочетание как знак одноактантной ситуации	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	52 - 53
БИБЛИОГРАФИЯ.....	54 - 55

Введение

Природа, языковой статус словосочетания и все, что его характеризует, вплоть до самого термина, и поныне представляет собой обширное поле для дискуссий с удивительно широким диапазоном мнений, нередко расходящихся под большим углом, иногда диаметрально противоположных. Например, в вопросе о том, является ли словосочетание «строительным материалом» для предложения или до предложения оно не существует, а только из него вычленяется. Ученые отмечают отсутствие единства в определении типов словосочетаний, применение прямо противоположных критериев при их выделении.

Словосочетание считают то основной синтаксической единицей, то одной из синтаксических единиц, то вспомогательной синтаксической единицей, даже вовсе не единицей, а промежуточным образованием, объединением фразеосочетаний и синтаксем. Таким образом, в учении о словосочетаниях остается еще очень много спорного¹.

Синтаксическая наука последнего десятилетия обогатилась рядом новых идей и подвергла пересмотру многие установившиеся положения. Так, учение о детерминантах пошатнуло привычный взгляд на связь слов обстоятельственного и объектного значения, как только на словосочетательную связь со сказуемым; учение о валентных свойствах слов поколебало устойчивое представление о простом словосочетании как объединении только двух полнозначительных слов, что нашло свое отражение в ряде работ. Вытекающие отсюда новые понятия о двойном и тройном сильном управлении, а также о простых трех- и четырехчленных словосочетаниях закреплены Н.Ю.Шведовой в соответствующих разделах «Грамматики». Пути поисков и находок в этой области во многом были предопределены рядом конструктивных замечаний В.В.Виноградова.

¹ Грамматика русского языка. – М.: Наука, 1980. – С.235.

К настоящему времени подробно описаны синтаксические связи между компонентами словосочетаний (З.Д.Поповой, Е.С.Скобликовой и др.), внутренние связи между словосочетаниями, господствующие слова которых объединены словообразовательными отношениями, и внешние для словосочетания связи со словом и предложением (работы Н.Н.Прокоповича и др.). Имеется ряд исследований по отдельным морфологическим типам, с учетом диахронических изменений в них. Вместе с тем некоторые вопросы теории словосочетаний еще не получили углубленного рассмотрения. Из них наиболее актуальным считаем вопрос о функции словосочетания как знака (о языковых знаках А.С.Мельничука).

Понятие функции — одно из центральных в современной лингвистике. Функцию иногда ошибочно отождествляют со значением, иногда ею пренебрегают; между тем, «не обращая внимания на эту сторону, мы обедняем нашу науку» (В.Н.Ярцева). Несомненно, функциональное тесно связано с семантическим. Оно не может рассматриваться в отрыве, поэтому функциональный анализ словосочетаний необходимо предполагает изучение их в семантическом аспекте. На это указывает и И.П.Распопов:

«...в конечном счете все в языке вращается вокруг функций и любая форма есть лишь средство реализации определенной функции, вне которой он не существует и практически просто не осознается»¹. Н.Д.Арутюнова пишет, что развитие лингвистической мысли идет путем переноса центра тяжести на функцию, «т. е. в конечном итоге к построению грамматики на семантической основе»². Любая языковая форма призвана так или иначе функционировать и должна найти свое описание и в этом аспекте. Отсутствие однозначного соответствия между формой и функцией усложняет такую задачу, но не снимает ее с повестки дня. Между тем, в последние два десятилетия вопрос о функции словосочетания почти не служил предметом специального рассмотрения.

¹ Распопов И.П. Язык как система знаков в свете философской теории отражения. // В кн.: Современные проблемы русского языка. — М., 1989. — С. 78.

² Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка. // В кн.: Исследования по общей теории грамматики. — М., 1987. — С. 128.

Функцию словосочетания принято определять как номинативную и по этой линии прямо отождествлять словосочетание со словом. Общим для многих работ и учебных пособий стало мнение об отличии словосочетания от предложения, с одной стороны, и явной близости к слову, с другой. Если же учесть, что в современном синтаксисе выдвигается учение о номинативном аспекте предложения, то с функциональной точки зрения стирается грань не только между словосочетанием и словом, но и между словосочетанием и предложением. Таким образом, указание на номинативную функцию словосочетания уже совершенно не вскрывает его специфики в ряду других номинативных средств языка, что делает разработку этого вопроса особенно актуальной.

В ряде крупных работ по синтаксису по-новому ставятся и решаются вопросы, связанные преимущественно с проблематикой простого предложения, и уделяется большое внимание его семантической структуре. Из них наиболее близкими оказались для нас исследования Т.П.Ломтева, В.Г.Гака, Г.А.Золотовой, Т.Б.Алисовой, А.Н.Печникова, Б.А.Серебренникова и др. Однако преимущественное внимание к предложению не означает отказа от изучения словосочетания, которое является необходимым для строя предложения в целом. При этом обеспечивает его достаточную емкость. Все сказанное определяет **актуальность** темы нашего исследования.

Цель исследования заключается в возможности построить типологию словосочетаний в соответствии с концепцией языка как знаковой системы особого рода.

Объектом исследования являются синтаксические единицы современного русского языка.

Предметом исследования служит словосочетание в одном из наименее изученных его аспектов — функционально-семантическом.

Для реализации поставленной цели необходимо решение ряда **задач**:

- выявить теоретические аспекты функционального анализа словосочетаний;

- обосновать важность и целесообразность изучения словосочетаний с точки зрения функционально-семантического аспекта;
- определить сущность некоторых исходных понятий по теме исследования;
- раскрыть закономерности функциональной нагруженности словосочетаний;
- установить типы словосочетаний, представляющие комбинации одноактной и многоактной ситуации;
- описать способы представления семантической структуры словосочетания.

Методологической основой исследования служат постановления и указы правительства Узбекистана о народном образовании, о языке, об обучении и воспитании.

Для решения поставленных выше задач используются следующие **методы**: в качестве конкретных лингвистических методов применяется описательный метод, предполагающий анализ факта языка, объяснение его строения и функционирования. В процессе исследования употребляются также приемы наблюдения и сравнения. Научная достоверность подкрепляется количественными параметрами изучаемых явлений.

Научная новизна работы: впервые делается попытка описать типологию словосочетаний в новом функционально-семантическом аспекте.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы при решении проблем, связанных с анализом формального, логического и функционально-семантического строения словосочетания. Некоторые материалы будут полезны в теории и практике преподавания русского языка.

Структура квалификационной работы. Квалификационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии.

ГЛАВА I. Теоретические основы функционального анализа словосочетаний

1.1. Вопрос о функциональной нагруженности словосочетания

Признавая общность функции словосочетания и слова, лингвисты стремятся так или иначе ее дифференцировать. Академик В.В.Виноградов считает основанием для разграничения функции слова и словосочетания соотнесенность этих лингвистических явлений с различными явлениями в сфере категорий мышления. Так, слова обозначают «отдельные понятия», а словосочетания служат «обозначением какого-нибудь единого, но расчлененного понятия или представления, являются расчлененным обозначением одного понятия»¹.

Эти определения обычно цитируются без какого бы то ни было обсуждения, хотя содержат некоторые спорные моменты: «одно понятие», «единое понятие» не является противочленом «отдельного понятия», их вполне можно совместить, сказав, что и слово, и словосочетание обозначают одно отдельное понятие с отличием по линии расчлененности/нерасчлененности. Затем, «обозначение расчлененного понятия» и «расчлененное обозначение понятия» — далеко не равнозначные отрезки, хотя и кажутся такими. Далее, при чтении введения к первому тому АГ (Академической грамматики) создается впечатление, что словосочетание обозначает отдельные понятия: «Словосочетания образуются из слов. Слова обозначают отдельные понятия. Так, словосочетание *студеный ключ* состоит из двух слов — *студеный* и *ключ*». Напрашивается только одно продолжение: «и обозначает два отдельных понятия»; во втором же томе АГ говорится о едином, только расчлененном понятии. В результате у читателя не остается цельного впечатления и необходимой ясности в вопросе о том, одно или два понятия обозначает словосочетание.

¹ Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса русского языка.// В кн.: Вопросы грамматического строя. – М., 1987. – С.25.

Приходится считать неточным и утверждение о «едином расчлененном понятии». Логика говорит не о расчленении понятия на части, а о делении объема понятия, при котором понятие делится не на части, а на виды. Понятия типа «удивительно быстрая езда на собаках по безмолвной тундре в лунную ночь», очевидно, правильнее квалифицировать не как расчлененные, а как образовавшиеся в результате последовательного деления понятий с большим объемом путем прибавления все новых признаков, т. е., скорее, многократно суженные.

Кроме того, этому определению словосочетаний отвечают далеко не все типы, а только те, в которых зависимый компонент имеет значение признака. В.П.Сухотин характеризовал функцию словосочетаний как способность представлять «расчлененное обозначение предмета», «сложное, расчлененное наименование единого явления (раздвоение единого). Или по-другому они обозначают предмет и его признак, процесс и его уточняющие показатели, признак и его носители, явление и его причина без обращения к понятию, прямо соотнося словосочетания с явлениями действительности. Однако такое соотношение нельзя производить без учета асимметричности языкового знака.

Таким образом, отмечая в качестве положительного момента стремление соотнести явления языка с явлениями мышления и окружающего мира, необходимо констатировать недостаточность соотношения только с одной из них. На вопрос, кто же из названных исследователей прав, нужно ответить, по-видимому, что частично правы оба, ибо тройственность лингвистического объекта предполагает установление связи языковых явлений как с фактами мыслительными, так и с фактами внеязыковой действительности, но без прямого их отождествления.

Синтез всех трех моментов находим в удачном в этом отношении (хотя и страдающем неполнотой) определении словосочетания, данном Е.М.Галкиной-Федорук и включающем функциональную характеристику: «Словосочетанием называется соединение двух или более слов, служащих выражением понятий о явлениях действительности в их связях и отношениях».

О функции выражения отношений пишут и некоторые другие лингвисты, но нередко они расходятся в вопросе о том, между чем собственно существуют эти отношения: между членами словосочетания, между двумя или несколькими понятиями или группами понятий. Кроме того, подвергается сомнению, что словосочетание выражает отношения; например, в высказывании *приезд отца всех обрадовал*, сочетание *приезд отца* называет всех обрадовавший факт, а не отношение. Сочетание *книги отца* отношения не выражает; напротив, остается скрытым, обладателем или автором книг является отец; в подобных сочетаниях словесно поименованы только члены некоторого отношения, тогда как само имя отношения отсутствует.

Таким образом, до последнего времени не существует единого мнения о том, в чем же именно заключается функция словосочетания.

Считаем, что обозначение явлений действительности в их связях и отношениях — это очень сложная номинация, включающая информацию о наличии и даже, возможно, о характере некоторой связи.

Мысль о том, что не только предложения в целом, но и отдельные их части нечто сообщает, в той или иной форме неоднократно высказывалась в лингвистике. Она встречается преимущественно в связи с критикой монопредикативности простого предложения и сопровождается выдвижением целого ряда понятий, призванных служить мостиком между традиционными понятиями предикативной и непредикативной связи. Так, еще к А.А.Шахматову восходит учение о «неполной предикативности». А.М.Пешковский трактовал обособление как имеющее значение дополнительного сообщения; в более позднее время довольно широко употребляется термин «полупредикативность»; встречаются также термины «потенциальная», «вторичная», «ослабленная», «дополнительная» и даже «двойная» предикативность.

Постепенно зреет мысль о существовании уровней предикативности, о «градации и иерархичности» предикативных связей, характеризующихся неоднородностью, о скрытой, латентной предикативности, что расшатывает

привычные представления и приводит к неожиданному заключению о едва ли не полипредикативности предложения. Если учесть, что понятие предикативности до настоящего времени вызывает большие дискуссии и взгляды на предикативность не просто расходятся в деталях, а формируют две различные концепции, то становится ясным, что нужно иное решение этих вопросов. Многообещающим, с нашей точки зрения, является информационный подход. С этих позиций под предикативностью понимают способность синтаксических построений передавать информацию о проявлениях бытия или фактах.

Ряд ученых находит возможность обойтись без понятия предикативности и соотносит «предложение как коммуникативную единицу текста» (под семантикой последнего понимается «та информация, для сообщения которой текст был написан», а сам текст — как «некоторый набор отдельных информаций или «знаний», определенным образом связанных между собой») с «элементарным» знанием.

При таком подходе, естественно, обнаруживается, что отношение их в большинстве случаев не сводится к эквивалентности.

Полагаем, что неясности и разногласия, существующие в современной трактовке вопроса о характере предикативности, в значительной мере порождены смешением синтаксического и логико-семантического аспектов исследования. Разграничивая их, одно и то же высказывание можно охарактеризовать как монопредикативное (что выражается специальными показателями в его внешней организации) и как полипредикатное, т. е. несущее некоторую сумму частных информаций в своей смысловой структуре. Что же касается словосочетания, то оно, являясь синтаксически непредикативным образованием, семантически теснейшим образом связано с предикатными структурами, реализуя их полностью. Например, *спящий ребенок*, где предикатное слово «*спать*», представленное словоформой *спящий*, задает одно синтаксическое место для имени субъекта состояния или частично, например,

вручение приза, где предикатное слово «*вручать*» задает три места, из которых только одно замещено членом данного словосочетания.

Решая вопрос о функции словосочетания с учетом его знаковой специфики, полагаем, что словосочетания являются частичными знаками ситуации, несущими единичные порции информации о ней. Тем самым мы разграничиваем по степени полноты отражения ситуации номинативную специфику словосочетания и предложения, с одной стороны, и словосочетания и слова, с другой, поскольку простое словосочетание представляет в явном виде минимум два элемента ситуации, а простое слово — не более одного элемента. При этом мы не игнорируем того обстоятельства, что слово может обозначать и несколько элементов некоторой ситуации; например, слово «*луноход*», обозначающее предмет, включает в себя и наименование его действия (сравним: «*лунолет*» в сегодняшней научной фантастике), и наименование планеты, для движения по поверхности которой он предназначен; однако в составе высказывания даже такие слова функционируют как знаки одного элемента описываемой им ситуации, например: «*Ценные сведения об особенностях лунного рельефа ... луноход передавал на землю*» («Наука и жизнь», 1990, № 1. - С.35). Но в принципе семантический вес словосочетания в высказывании как знаке ситуации является гораздо большим, чем семантический вес слова.

Сложность и многообразие семантических отношений внутри словосочетания не позволяют его считать только «соотносительным со словом сложным наименованием», а заставляют видеть в нем промежуточное звено между словом и высказыванием, стоящее ближе к последнему благодаря своей способности служить формой предикатной структуры.

В пользу такой трактовки говорит и функциональное сближение некоторых словосочетаний с придаточной частью сложного предложения. (Прокопович Н.Н., 1996. - С. 88; Егорова-Кручинина И.Н., 1997. - С. 79). Кроме того, за словосочетанием признают способность отразить отношение

говорящего к обозначаемому, дать ему оценку, например, *арифметика по-расистски*, отмечают возможность сопровождаться модальными словами.

С точки зрения способа участия в описании ситуации словосочетания характеризуются неоднородностью и могут быть разделены на два функциональных класса.

Словосочетания I функционального класса являются частичными знаками ситуации, которая дорисовывается другими компонентами высказывания и к моменту его завершения приобретает необходимую полноту своего обозначения, например, словосочетания *поливает цветы, едет быстро* и сравним: *цветы поливает* (садовник, соседка ...), *едет быстро* (велосипедист, тележка ...).

Изменение морфологического облика таких сочетаний не колеблет их информативных свойств; так, в высказываниях, содержащих именные сочетания, «*Поливка цветов производится по утрам*», «*Быстрая езда опасна*» и подобное микроситуации «*x поливает цветы*», «*x едет быстро*» обозначены лишь частично.

Субъект словесно не обозначается, если он ясен из ситуации или мыслится обобщенно. Значит, в смысловой структуре высказывания первая переменная включает значение всеобщности, например, в высказывании *зимой поливку цветов следует производить по утрам*», где имеется в виду не единичный акт, а все акты этого рода, независимо от того, какой конкретный субъект производит каждый из них. Смысл такого высказывания может быть эксплицирован с помощью перифраза, включающего местоимение с количественным значением: «*Любой человек, поливающий цветы зимой, должен это делать по утрам*».

Разумеется, словосочетания I функционального класса могут участвовать и в описании микроситуации, сравним: «*Она опасается быстро ездить*», где отмеченное словосочетание является частичным знаком микроситуации «*Она быстро ездит*», включенной в основную ситуацию в качестве ее второго актанта.

Таким образом, словосочетания I функционального класса, синсемантические по своему характеру, получают свое смысловое и структурное восполнение в процессе развертывания высказывания, к концу которого неполнота и, соответственно, неопределенность смысла уступает место полноте и определенности, достаточным для данного акта коммуникации.

Своеобразным исключением является пласт газетных заголовков, представляющих намеренно неполное обозначение некоторой ситуации при помощи словосочетания. Нарочитая неполнота смысла такого заголовка призвана заинтересовать или даже заинтриговать читателя, который вынужден ознакомиться с соответствующим текстом, чтобы извлечь из него недостающую информацию. Так, например, в газетах и в литературе находим заголовки, рассчитанные на любителей спорта, например: *«Дважды чемпион»*, *«Достоевскому посвящается»*, *«По следам документа»*.

В отличие от рассмотренных выше, словосочетания II функционального класса участвуют в обрисовке всей ситуации только как частичное обозначение микроситуации. Синтагматически они сочетаются с другими частями высказывания, но, обладая свойством имплицитно содержать семантические элементы, достройки своего смысла в словесной форме не получают. Они обладают смысловой автосемантичностью и понимаются благодаря ассоциативным смысловым связям с конситуацией, а также на основе парадигматических связей с другими конструкциями, передающими этот же смысл эксплицитно, например: *«Если дозировка соблюдена, то **моющий эффект** будет одинаковым»* («Наука и жизнь», 1989, № 4, с. 94). Позиция подлежащего в главной части замещена словосочетанием, равным по смыслу другому, выражающему этот смысл в более эксплицитной форме. Например: *«**эффект** от применения **моющего** средства»*, за которым стоит целая ситуация: *«x применяет **моющее** средство и получает **эффект**»*; лишь отдельные компоненты, выбранные в качестве опорных при описании этой побочной ситуации, получили обозначение в тексте.

Употребляя такие словосочетания, говорящий уверен в том, что будет правильно понят, в противном случае он эксплицировал бы все конструктивные элементы микроситуации. При возможности он ограничивается тем, что дает представление о ситуации, описывая ее не сплошным текстом, а как бы намечая пунктиром ее опорные элементы в минимально расчлененном виде: с участием, как правило, лишь двух полнозначных лексем и без явной предикации. Чаще всего это словосочетания, воплощающие безглагольные синтаксемы, в которых так или иначе содержится наименование двух предметных переменных; связывающее их отношение словесно не названо, и смысл отсутствующего предикатного слова, задающего для них места, в конструкции содержится имплицитно с большей или меньшей степенью определенности. Экономия ресурсов в плане выражения говорящего оборачивается для слушающего потерями в определенности смысла. Например: словосочетание *«книги Станиславского»* можно понять как книги, *«которыми пользовался Станиславский»*, *«которые имел Станиславский»*, *«которые написал Станиславский»*. *Лисья мордочка* — *«мордочка, принадлежащая лисе»* и *«чья-то мордочка (лицо), похожая на лисью»*.

Словосочетания II функционального класса имеют несомненную общность со словосочетаниями I класса: они могут занимать идентичные позиции в высказывании и аналогичным образом участвовать в обрисовке ситуации, сравним, например, в главной позиции: *«Это моя рота»*. Кардинальное же различие между ними в том, что роль словосочетаний I класса ограничивается только участием в эксплицитном выражении некоторой ситуации, основной или побочной, и они представляют собой нормально нагруженный частичный знак. Словосочетания же II класса, аналогичным образом участвуя в обозначении сложной ситуации, сами имплицитно содержат и частично обозначают побочную ситуацию, входящую в нее. Например: *«Он гордится своей ротой»*.

Именно в этих словосочетаниях наблюдается ярко выраженное стремление к экономии языковых средств путем максимальной функциональной нагрузки

языкового знака при минимальной затрате выразительных средств. Осуществляемый в них принцип можно назвать принципом выборочной номинации компонентов микроситуации.

Словосочетания четко расслаиваются на два указанных класса и по линии соотношения своих синтагматических и парадигматических связей. Для словосочетаний I функционального класса определяющими являются их синтагматические связи с другими компонентами высказывания, совместно с которыми они реализуют обозначение какой-то ситуации. Для словосочетания II функционального класса определяющими становятся их парадигматические связи, поскольку они представляют обозначение элементов особой, хотя и сопряженной с основной, микроситуации. Разумеется, они обладают в полной мере и синтагматическими связями, но их парадигматические связи приобретают большую важность и выдвигаются на первое место в связи с тем, что понимание происходит на фоне структур, в явном виде отражающих ту же микроситуацию, смотрите, например, авторский и редакционный комментарии в письмах И. Бунина к родным, устраняющие возможную неопределенность:

«Анютины карточки (т. е. посланные ею) получил вовремя»; «здесь теперь установилась хорошая погода,— и у нас и в Анютиных местах».

В обоих случаях, прямо или опосредованно, отмечается связь подчеркнутого сочетания с отдельной предикативной единицей.

При восприятии смысла словосочетаний, принадлежащих ко II функциональному классу, имеются две возможности понимания.

Возможность однозначного декодирования обеспечивается способностью учитывать семантику обоих компонентов и наличием знаний о вещах, их свойствах и отношениях; так, *маскхалат разведчика* — это «маскхалат, который разведчик надевает», *чутье разведчика* — это «чутье, которым разведчик обладает», с поправкой, в случае необходимости, на специфику конситуации. Допустим, учитель говорит ученику во время похода: «Да у тебя *чутье разведчика*», где это означает чутье «как у разведчика».

Неоднозначное декодирование связано с возможностью предположить не одно, а несколько равновероятных отношений между предметами, обозначенными в словосочетании, и с необходимостью учитывать его контекст, а не только семантику компонентов. Задача усложняется, если зависимое имя носит местоименный характер либо является личным именем, нарицательным или собственным (возможны производные от них). Тогда адресату речи приходится учитывать семантику одного только господствующего слова, поскольку возможности лица как субъекта действия настолько широки, что лишь в незначительной степени способны ограничивать круг мыслимых предикатных слов и помочь выбрать из них наиболее вероятное. В случае преимущественного учета смысла только одного из компонентов словосочетания неопределенность при выборе предикатного слова столь велика, что лишь конситуация может обеспечить понимание, адекватное замыслу говорящего. Так, *папин мост* — это может быть мост, который отец проектирует, строит, ремонтирует, красит, по которому ходит на работу, любит прогуливаться. Антиномия говорящего — слушающего решается здесь в пользу говорящего. Он знает, на какой из элементов конситуации опирается, тогда как слушающему это еще надлежит установить. В роли компенсирующего устройства выступает контекст, снимающий неопределенность и обеспечивающий передачу заложенного в сообщение смысла. Но есть частичные знаки, которые и в составе полного высказывания могут не получить однозначности, если в ней не нуждается, по мысли говорящего, слушающий. Иногда основная ситуация целиком поглощает входящую в нее микроситуацию; тогда диффузность, недостаточная расчлененность представления последней ни в какой степени не усложняет задачу слушающего и не вредит общему смыслу. Так, например, в высказывании *«Посещение родственников затянулось, и я не успел закончить статью»* специфика выделенной микроситуации абсолютно несущественна. Неважно, кто кого посетил; важно, что ситуация посещения имела место и вызвала нежелательные последствия.

Словосочетания II функционального класса могут оставаться с не уточненным отношением между компонентами, так как говорящий зачастую ограничивается отдельными, с его точки зрения, существенными для данного акта коммуникации штрихами. Прибегая к словосочетанию как наиболее адекватной форме своего замысла, он является промежуточным средством между недостаточным для этих целей словом и избыточным — предложением.

В ряду изофункциональных средств передачи одного и того же смысла данный способ оказывается наименее избыточным и, следовательно, наиболее экономным, сравним «*подвиг, который совершил разведчик*», «*подвиг, совершенный разведчиком*» и ***подвиг разведчика***.

Наблюдаемую в настоящее время тенденцию ко все более активному образованию и использованию словосочетаний II функционального класса можно уподобить тенденции к микроминиатюризации средств связи, создаваемых техническим гением человека.

Словосочетания с повышенной функциональной нагрузкой составляют сильное звено современного синтаксиса речи, так как полностью отвечают стремлению к лаконичности и экономности выражения.

Н.Ю.Шведова пишет об огромном количестве вновь образующихся субстантивных сочетаний, которые «как бы опираются на трехчленные глагольные структуры» и связаны с ними «отношениями порождения», и отмечает, что образование их практически ничем не ограничено.

Это стремление отмечают многие лингвисты, например, Т.Г.Винокур, И.П.Глотова и др. Его справедливо оценивают как одну из наиболее мощных внутренних тенденций, проявляющихся в различных языках мира (Кубрякова Е.С.). Вместе с тем делаются своевременные предостережения против его абсолютизации (Русановский В.М.; Будагов Р.А.; Бархударов Л.С.)

Словосочетания двояким образом откликаются на требования времени: они могут служить экономной номинацией некоторой ситуации наравне с целым высказыванием; в текстах нередки случаи, когда ситуация, ранее описанная развернутым предикативным образованием, получает вторичную номинацию в

форме словосочетания, например, в «Записках штурмана» М.Расковой: «Принимаю новое решение: *искать снежную гору*, вблизи которой я спрыгнула с парашютом». И далее: «Скоро я увижу свою *снежную гору*»; «*вот она, моя гора!*». Кроме того, словосочетания могут конденсироваться в слово, имеющее то же значение, что и исходное словосочетание, например, *массовая сцена* — *массовка*, *гладить утюгом* — *утюжить*.

Таким образом, в сфере словосочетаний мы встречаемся с явлениями экономии, имеющими различную качественную и фазовую природу.

1.2. Характеристика применяемых методов и исследуемого материала

Выбор метода предопределяется спецификой материала и задачами его исследования.

Для выявления кодифицирующих (и притом нередко конденсирующих) свойств словосочетаний их надо изучать в функциональной парадигме. Поэтому в качестве основного нами выбирается метод сопоставления изофункциональных структур.

Стремясь избежать одностороннего подхода к словосочетаниям как только к свернутым, компрессивным, депрецицированным (И.И.Ревзин, Г.А.Лескис, Т.П.Ломтев и др.) или, наоборот, только способным к развертыванию латентным структурам, мы предпочитаем рассматривать их как содержащие участок смысла высказывания безотносительно к понятиям синтаксического свертывания и развертывания. В нашей работе упоминания о свернутых формах относятся только к смысловым структурам, неполно представленным словосочетанием (таковы, например, субстантивные сочетания с полифункциональным родительным). Если эта неполнота превышает некоторый порог, возникает неопределенность в смысле. Например, в случаях *«Зинаида Антоновна сказала, что она не умеет говорить с людьми в профиль»*. (К.Симонов. 20 дней без войны). *«Мальчишки влезли на крышу по оглоблям бочек»*. (А.М.Горький. О литературе).

Для сопоставления привлекаются структуры, эксплицирующие неназванные компоненты ситуации. Поскольку различные отношения выступают в наиболее явном виде в предикативных конструкциях, то предпочтение отдается им, и именно они избираются эталоном для сравнения. При этом мы опираемся не только на реально сосуществующие с имплицитными эксплицитные формы высказывания, но и на искусственные для живой речи построения, которые не закреплены нормой, отвергаемы узусом. Однако они обладают важным преимуществом — способностью выразить смысл в явном виде. Современные исследователи настойчиво подчеркивают, что грамматические потенции языка представляют собой

объективный факт, исследование которого имеет важное теоретическое и практическое значение. И если «мир познается в сравнении», то мир словосочетаний удобнее всего познавать в сравнении с равноценными им по смыслу высказываниями. Сравнение — один из основных логических приемов познания внешнего мира; согласно утверждению И.А.Бодуэна де Куртенэ, «сравнение есть одна из необходимых операций всех наук, — на нем основывается процесс мышления вообще. Только при помощи сравнения можно обобщать факты».

Применяется также метод перифразирования, заключающийся в том, что некоторый участок смысла высказывания, представленный словосочетанием, получает истолкование с помощью описательного выражения, в котором все элементы смысла эксплицированы. Однако нельзя согласиться с У.Вейнрейхом, считающим перифраз основным приемом исследования.

Применялся и экспериментальный метод, который Л.В.Щерба считал особенно плодотворным в синтаксисе, лексикографии и стилистике.

Плодотворность этого метода сказалась в ряде фонетических исследований, развившихся в особое направление экспериментальной фонетики, чего пока нельзя сказать о синтаксисе, однако удельный вес его в синтаксических исследованиях увеличивается.

Обращение к информантам тем более необходимо, что любое семантическое описание любого знака представляет собой лишь гипотезу, выдвигаемую исследователем; эта гипотеза должна проверяться сопоставлением с описаниями других знаков и быть приемлемой для информантов. Нашими информантами служили студенты-филологи, слушатели спецкурсов и участники спецсеминаров, а также учителя факультета повышения квалификации, коллеги по работе.

К информантам мы обращались с целью уточнения характера смыслового взаимоотношения между компонентами отдельных словосочетаний, с целью выяснения ассоциаций, связывающих их в сознании говорящих, степени связанности и предсказуемости одного компонента по наличию другого.

«Техника лингвистического эксперимента» (Л.В.Щерба) в нашей работе сводилась, главным образом, к предъявлению информантам так или иначе деформированного текста с четко сформулированным заданием, к записи реакций информантов и последующей их обработке и интерпретации.

Предлагалось также отвечать на вопросы типа «Как Вы понимаете смысл такого-то выражения?», «Какой участок смысла не получил словесного обозначения?», «Что позволило писателю объединить эти слова в одном словосочетании?», «Как по-другому можно выразить этот смысл?» и т. д.

Поскольку выбор метода определялся характером подлежащего изучению объекта, многосторонний и сложный языковой объект закономерно потребовал совокупного применения нескольких методов.

Материалом для наблюдений послужил современный русский литературный язык в его письменной и устной форме (важность изучения устной речи подчеркивают Е.А.Земская, И.К.Белодед и др.).

Рассматривались и речевые окказионализмы. Понимание языка как открытой динамической системы требует, чтобы в поле зрения лингвиста попали явления и этого порядка.

Был использован также материал, полученный в результате экспериментов с участием информантов.

ГЛАВА II. Словосочетания как объект функционально-семантического синтаксиса

2.1. Способ представления семантической структуры словосочетаний

В разработке способа представления смысловой структуры словосочетания мы считали целесообразным отправляться от различных моделей предложения с учетом того, в какой мере они отвечают поставленной нами задаче.

Современная лингвистика предоставляет широкие возможности выбора той или иной модели (среди них, в частности, формулы предложения, учитывающие валентные свойства центрального глагола и не учитывающие их).

Мы не могли прямо воспользоваться ни одной из этих моделей, так как они предназначены для описания синтаксической структуры высказывания, причем компоненты словосочетаний иногда в них вовсе не находят места. Однако модели Т.П.Ломтева и В.Г.Адмони, которые в большей степени учитывают семантическую сторону высказывания, послужили в качестве отправного пункта.

Среди рассматривавшихся моделей имеются линейные и нелинейные. Мы предпочли последние.

Особая роль глагола в предложении подчеркивалась А.А.Потебней. На «конструктивную организующую силу» глагола указывал и В.В.Виноградов. Ряд современных исследователей также подтверждают данное свойство глагола. Вместе с тем формы синтаксической связи компонентов передают существующие между ними смысловые отношения в очень обобщенном и отвлеченном виде. Эти отношения часто конкретизируются в понятиях сильной и слабой синтаксической связи, а также в терминах грамматической семантики, различающей определительные, объектные, субъектные, комплетивные и осложненные (комплексные) отношения. Тем не менее, семантика словосочетаний и, соответственно, их функции в высказываниях требуют более детального раскрытия (комплетивные отношения, в частности, весьма неоднородны). На необходимость уделить больше внимания семантической

стороне словосочетаний указывали при обсуждении этого раздела «Граматики» 1980 г.; на то, что формальный аспект явно подчинил себе функциональную сторону, обратили внимание Н.Д.Арутюнова, И.Н.Кручинина.

Эксплицируя смысловые отношения между компонентами словосочетания, можно определить характер участия словосочетания в передаче информации о некоторой ситуации и установить функциональные типы словосочетаний.

Для этой цели нами, в развитие логико-семантических идей Т.П.Ломтева, была разработана специальная предикатно-смысловая запись. Она основана на свойстве компонентов высказывания называть вещи, их свойства и отношения, формирующие ситуацию, знаком которой оно является; наименование свойств и отношений производится при помощи предикатных слов, задающих места для своих переменных — наименований вещей.

С точки зрения морфологической принадлежности к той или иной части речи предикатные слова обладают большим разнообразием; к ним относятся не только прилагательные, глаголы и наречия, но есть достаточно оснований включить в них большое количество существительных абстрактных (цвет, возраст, тоска, инициатива и под.) и некоторые группы конкретных существительных (голова, отец, ветвь).

Прилагательные также требуют смыслового расслоения. На глубокое различие между качественными и относительными прилагательными указывал Л.В.Щерба, анализирувавший «семантику отношений», в частности, на примерах сестрина книга и хорошая книга. Он считал противоестественным «валить в одну кучу отношения качества, свойства и предмета и отношения двух предметов, взаимные отношения их друг к другу».

Семантическая природа наречия, этого традиционно второстепенного члена, оказалась двойкой; часть наречий относится не только к сказуемому, а ко всей группе сказуемого либо к основному составу высказывания в целом. Согласно взглядам ученых, наречие, будучи синтаксически подчиненным глаголу, семантически является для него определяющим.

К предикатным словам иногда относят и предлоги, выражающих предметных переменных. Например, *над (что над чем), из (что из чего)*. Важность их роли в формировании семантики словосочетания подчеркивают многие исследователи, в частности, В.Н.Ярцева. Однако, учитывая, что предлог обычно выступает в роли неосновного предиката, считаем целесообразным показать его «припредикатный» характер и поэтому записываем рядом с глаголом в скобках.

Несомненно, к предикатным словам следует отнести и числительные, как содержащие места для наименований исчисляемых предметов.

В нашей записи предикатные слова занимают вершину соответствующего построения и подчеркиваются, все слова записываются в начальных формах.

Исходя из соображения о том, что в целях максимальной экспликации нужно стремиться не только к представлению исходных форм, но и исходных смыслов слов, принимаем, что отглагольные имена действий и состояний, отадъективные имена свойств не должны употребляться в записи; следует пользоваться исходными глаголами и прилагательными. Это требование необходимо распространить и на качественные наречия, которые, наравне с отадъективными именами, должны быть записаны как исходные прилагательные.

При соблюдении этих условий смысловая запись покажет общность ситуации. Знаками общности могут служить по-разному организованные в синтаксическом и морфологическом отношениях словосочетания и целые высказывания. Так, например, для группы означающих с разным лингвистическим смыслом: «*Он быстро бежит*», «*Его бег быстр*», «*Его быстрый бег*», «*Быстрота его бега*» характерна общность логического смысла, различающегося лишь небольшими смысловыми акцентами, и единство означаемого — стоящей за всеми означающими ситуации:

'быстрый'

'бежать'

x

Взятые в лапки элементы записи не являются собственно словоформами (инфинитивом), а условно представляют записанные в их форме мысли, объединяющие слова, принадлежащие к разным частям речи и обладающие общим смысловым ядром; так, слово записи '**я**' может в равной степени соответствовать словам текста **я** и **мой**; одна и та же запись может представлять и словосочетание (например, «**Печаль моя** полна тобою»), и предикативную единицу (например, «**Печален я**: со мною друга нет»).

Вместе с тем, предикатно-смысловую запись можно сориентировать по той или иной синтаксической структуре высказываний, объединенных смысловым инвариантом. В связи с изложенными ранее соображениями о принципах выделения основной и побочных ситуаций можно дать соответствующую информацию об иерархии предикатных слов в составе высказывания, если предпринять комбинированную запись, в которой предикатное слово, соотнесенное со сказуемым, будем считать основным предикатным словом и в знак этого подчеркивать двойной чертой.

Если словосочетание в составе высказывания служит знаком некоторой микроситуации и обладает при этом усложненной структурой, имея в своем составе два предикатных слова, то иерархию и этих последних можно отразить, подчеркнув основное предикатное слово, соотнесенное с главным словом словосочетания, пунктиром ниже сплошной линии. Таким образом можно повысить отражающую силу записи.

Наша запись смысла позволяет различать атрибутивное и предикативное употребление прилагательного. Так, в блоковской фразе «**Дорога дальняя легка**» из двух предикатных слов, имеющих форму прилагательных, одно подчеркивается и оказывается рангом выше:

легкий

дальний

дорога

Легка не просто дорога, а дорога дальняя, т. е. легко то, что обычно бывает нелегким; именно в этом противопоставлении необычного обычному и

заключен основной смысл фразы, конкретизирующей смысл предыдущей: **«И невозможное возможно»**.

Смысловая запись различно оформленных синтаксически и морфологически обозначений одной и той же ситуации отличается тождеством иерархических отношений предикатных слов, с одной стороны, и различием в размещении основных предикатных слов в представлении высказывания и словосочетания — с другой; например:

Он быстро бежит. Здесь главное по смыслу слово **«бежит»**;

Его бег быстр. Здесь основной смысл заключен в слове **«быстр»**;

Его быстрый бег. Слово, где заключен основной смысл, только подразумевается.

Быстрота его бега. Слово с основным словом предусматривается.

Отличие данного способа от синтаксических схем можно показать, сопоставив представление синтаксической и логико-смысловой структур одного и того же словосочетания, например, ... **[холм] кудрявый от мелкокустарника**:

А) Холм, кудрявый от мелкокустарника;

В) причина: кудрявый (переносное значение) - **«пышный, с обильной мелкой листвой»**;

С) местонахождение: находится на холме.

Эта схема составлена Н.Н.Прокоповичем. Компоненты смысла этого словосочетания представлены на схеме В) эксплицитно и с учетом их иерархических связей.

Предикатно-смысловая запись, предлагаемая здесь, отличается от синтаксических схем не только числом компонентов, но и размещением их. Так, прилагательное в атрибутивной функции и наречие в синтаксических схемах ***типа А*** всегда располагаются ниже своего господствующего слова. В логико-смысловом представлении ***типа В***, наоборот, они располагаются выше, составляют вершину предикатной структуры, являясь своеобразными ремами по отношению к элементарным темам, названным существительными и

глаголами. Сравним для примера отличие в иерархических связях компонентов одних и тех же словосочетаний в обоих названных аспектах:

А) Гордый буреветник реет смело

В) смело

реять

буреветник

Информационная ценность традиционно главных членов предложения может намного уступать ценности традиционно второстепенных членов предложения, выраженных прилагательным и наречием. Так, в предложении «*Стояла сухая осенняя крымская жара*» собственно информативными предикатными словами по отношению к тематическому *жара* являются прилагательные. (К.Симонов. Из записок Лопатина).

Глагол *стояла* оказывается информативно пустым, поскольку он синонимичен экзистенциальному глаголу *быть*, а экзистенциальность передана уже в самом тематическом слове *жара*; следовательно, для глагола *стояла* места в информационно-смысловой записи вообще не находится; сравним:

А) жара -- стояла

В) сухой осенний крымский

сухая осенняя крымская

жара

Построения типа *В)* не отрицают построений типа *А)*, но существенно дополняют их: картина синтаксического строения высказывания или словосочетания дополняется далеко не всегда тождественной ей картиной логико-смысловых связей, существующих между компонентами той или иной синтаксической конструкции.

Наша запись помогает наглядно представить роль компонентов словосочетания и размещение их в структуре смысла сообщения. Они оказываются в ней, как и в самом тексте, соседними, а иногда они разобщены обозначениями таких элементов смысла, которые не получили специального словесного оформления, так как и без этого могут быть осознаны в процессе восприятия целостного текста. Если такие элементы в анализируемом высказывании есть (а это случается постоянно), то при записи логико-

смысловых отношений между его членами смыслы компонентов словосочетаний, в тексте соположенных, получают дистантное расположение. Притом они оказываются размещенными в разных звеньях сообщения и формируют разные участки передаваемого значения, как данного в тексте явным образом (например, о холме, что он кудрявый, о кустарнике — что он мелкий), так и имплицитно в нем содержащегося энциклопедического. Читатель знает, что кустарник может расти пи холме, и понимает текст так же, как если бы в нем было эксплицитно дано это знание, например, **«холм, кудрявый от растущего на нем мелкого кустарника»**.

Принятый нами способ записи раскрывает всю сложность и опосредованность семантической связи компонентов словосочетания, многие звенья которой остаются «за кадром» и в словесной форме не эксплицируются. Обозначение их в нашей записи сопровождаем квадратными скобками (впоследствии опускаемыми).

Рассмотрим, например, чем опосредована связь компонентов словосочетания **лететь клином**, встречающегося в высказываниях о птицах, самолетах. Здесь присутствует смысл совокупности.

Каждый из элементов записи несет «кусочек» смысла, участвующий в формировании смысла высказывания, отражающего качественное своеобразие именно данной ситуации; сравним высказывание **«Осенью птицы летят в теплые края»**, в котором присутствует смысл 'множественность', но нет смысла 'совокупность' (... летят из разных мест разными путями в разное время в разные места); сравним особенно высказывание **«Птицы летели поодиночке»**, в котором отсутствие смысла 'совокупность' подчеркнуто специальной лексемой.

Логико-смысловая структура рассмотренного выше словосочетания намного сложнее синтаксической. По-видимому, так и должно быть в подавляющем большинстве случаев, и только в редких случаях синтаксическая структура оказывается более громоздкой, поскольку содержит семантически пустые лексемы, сравним характеристику времени при помощи

трехкомпонентного словосочетания у В.В.Маяковского: «Время — *вещь необычайно длинная*» («Хорошо!») и ее двухкомпонентную запись:

необыкновенный

длинный

время

Несомненно, чисто семантический анализ словосочетаний потребовал бы записи смысла их компонентов как наборов сем, однако для наших целей вполне достаточна приближенная запись, без разложения смыслов слов на их составляющие, поскольку основной упор делается не на сами эти компоненты, а на их смысловые отношения.

Вместе с тем, наличие/отсутствие общих сем у компонентов словосочетания имеет для нас диагностирующее значение, так как именно оно позволяет разграничивать словосочетания обоих функциональных классов. В частности, имплицитные словосочетания опознаются по отсутствию смыслового согласования и заставляют предполагать в их смысловой структуре наличие словесно не представленных звеньев. Имплицитными для краткости называем словосочетания, имплицитно содержащие некоторые участки своей смысловой структуры. Их называют также эллиптическими, компрессивными.

Выше словосочетания I и II функциональных классов рассматривались отдельно, однако в текстах они встречаются совместно. Ниже дается образец комплексного функционального анализа словосочетаний:

«Вернулось это: понтонный мост, темные бугры убитых лошадей, разбитый «студебеккер» на обочине дороги, воронки бомб». (Ю. Бондарев. Батальоны просят огня)

Словосочетаниями I функционального класса являются *темные бугры, убитых лошадей, разбитый «студебеккер», на обочине дороги*: в смысловой записи компоненты их не разделены никакими промежуточными смыслами и связываются непосредственно, тогда как при записи словосочетаний II функционального класса эксплицируются смыслы, связывающие их компоненты опосредованно; таковы *понтонный мост* — 'мост, имеющий в

качестве опоры понтоны', *темные бугры убитых лошадей* — 'убитые лошади напоминают темные бугры', *разбитый «студебеккер» на обочине дороги* — 'разбитый «студебеккер» находится на обочине дороги'. Предлог *на*, будучи многозначным, сам по себе недостаточен для того, чтобы обозначить отношение нахождения; он может участвовать, в обозначении ряда отношений, и нужный смысл каждый раз извлекается из контекста, которым для предлогов являются оба полнозначительных компонента предложного словосочетания.

Слово *«студебеккер»* могло бы быть приравнено по смыслу к словосочетанию *машина марки «Студебеккер», машина под названием «Студебеккер», воронки бомб* — *воронки, возникшие в результате разрывов бомб*. Родительный, функционально перегруженный, не может сам передать смысл «каузировать»; введение предлога намного сузило бы выбор нужного значения, но только контекст принес бы однозначность (сравним: *воронки от бомб и крышка от кастрюли, ларек от гастронома*).

При таком изображении семантической структуры высказывания и места информации, передаваемой словосочетанием, в общей сумме информации, которую несет высказывание, отличие между семантической структурой словосочетаний I и II функциональных классов выступает вполне явственно. Очевидна большая семантическая нагруженность вторых, выражающаяся в том что двум словам синтаксической структуры соответствуют минимум три компонента логико-смысловой записи. Таким образом, наша запись, направленная на адекватное отражение смысла, нередко расходится по числу компонентов с соответствующей синтаксической структурой, то представляя смысл двух лексем как одну семему, то расщепляя смысл одной лексемы на две семемы. Так, в смысловой структуре словосочетания *петляя среди брошенных машин* (К.Симонов. Каждый день — длинный) присутствует указание на движение *x*-а и на форму кривизны его пути. Сравним идентичное по смысловой сложности сочетание *«Сворачивая то вправо, то влево, он шел зигзагами»*. (К.Симонов. Из записок Лопатина). Оно не может быть представлено универбом. Например: *зигзаговал, зигзажил*. При

сопоставлениях необходимо принимать во внимание и характер чисто лексических средств языка, неунифицированность форм, передающих равноценные смыслы.

По своим целям нам близка семантическая запись Н.Н.Леонтьевой, выравнивающая вариантность и нерегулярность естественного языка, восстанавливающая недостающие части смысла и устраняющая избыточные части; она передает информацию текста и более единообразном и эксплицитном виде. Вместе с тем, в своем стремлении к единообразию Н.Н.Леонтьева сводит все реальное многообразие смысловых отношений, содержащихся в тексте, к бинарным отношениям, оперируя конечным числом (около 50) двухместных предикатов (принадлежность, причина), которые, по нашему мнению, не могут в надлежащей степени эксплицировать всю сложность смысловых связей. Действительно, среди предикатов, нашедших применение в ее семантической записи, фигурируют такие малоспецифичные, как **A, B**.

Сходные стремления обнаруживаются и у некоторых других лингвистов. Значительно дальше идет А.Вежбицкая, считающая необходимым свести все многоместные предикаты к одноместным. С ее точки зрения, в смысловой записи могут быть только субъекты и приписанные им предикаты. Объект — «просто субъект какой-то ситуации, каузируемый какой-то другой ситуацией». Несомненно, объект одной ситуации может быть субъектом другой, однако на этом основании вряд ли целесообразно отказывать некоторому предмету в «объектности» применительно к одной конкретной ситуации.

Гораздо удачнее концепция Л.Теньера, в большей степени учитывавшего связь высказывания с событием действительности и установившего четкую параллель между субъектом ситуации (ее главным участником — I актантом) и подлежащим, непосредственным объектом (II актантом) и прямым дополнением, другими объектами (III актантом) и косвенными дополнениями; но, в отличие от Теньера, мы не считаем, что с помощью трехактантной схемы можно охватить все реальное многообразие ситуаций, и, действительно,

встречаемся со словосочетаниями, которые являются знаками многоактантных ситуаций, выражая, соответственно, многоместный предикат.

Заканчивая изложение принятого нами способа представления семантической структуры словосочетания, необходимо остановиться и на вопросе о месте компонентов высказывания, имеющих обстоятельственное значение. В одних высказываниях наречия и другие слова обстоятельственного значения, относясь к содержанию высказывания в целом, не вступают в словосочетательную связь с отдельными его компонентами. Они представляют собой в таком случае детерминанты и, следовательно, не включаются в наш материал.

Однако другая часть таких слов образует словосочетания, поэтому в лингвистике последних лет возникла необходимость различать их «присловное» и «присхемное» употребление, иначе говоря, разграничивать внутренние и внешние распространители.

Функциональная неоднородность членов высказывания, традиционно именуемых обстоятельствами, побуждает нас искать для них два различных места, поскольку они подразделяются на следующие группы:

а) качественные и количественные, характеризующие конкретное действие, о котором идет речь в данном высказывании, — действие, совершаемое определенным субъектом и т. д.; поэтому оно выносится выше глагольного узла и рассматривается как предикатное слово второго ранга, задающее одно место, замещаемое целым глагольным узлом, например: *«Молодежь восторженно приняла Вахтангова»*. (А. Попов. Воспоминания):

восторженный

принять

молодежь Вахтангов

Такие слова обладают детализирующей функцией, не являясь обстоятельствами в строгом смысле. Так, высказывания *Мальчик ловко перепрыгнул через канаву, Дети спали хорошо* и пр. не информируют ни об одном из обстоятельств, в которых совершился ловкий прыжок мальчика через

канаву и протекал спокойный сон детей. Распространители в этих случаях являются присловными, так как информируют только о качестве самого действия (состояния), совершаемого (испытываемого) субъектом; качественным определителям соответствуют традиционные обстоятельства образа действия, количественным — меры и степени, например, *работать много и упорно*;

б) собственно обстоятельственные, характеризующие всю ситуацию целиком, описание которой включает в себя и качественную характеристику совершаемого действия; поэтому им отводится место не в пределах актантной схемы, а при схеме и вводится предикатное слово, эксплицирующее характер детерминации в каждом конкретном случае. Оно помещается слева от схемы, в соответствии с типичной для детерминантов позицией и начале высказывания (подразумевается, что чтение схемы также идет слева направо, а не только сверху вниз). При этом, невзирая на возможные отличия в порядке размещения отдельных компонентов высказываний, единообразие представления четко выявляет их функциональную общность. Сравним смысловую запись текста: «*Осенью* яблоки обламывают ветки. Красива Таруса весной, летом, осенью, зимой». (В.Шкловский. О К.Паустовском);

время

осень ----- обламывать

яблоки ----- ветки

время

весна----- красива

лето----- Таруса

осень

зима

Покажем функциональное расслоение обстоятельств на конкретном примере: «Он — *через полвека!* — воспроизводит этот спор на десятке страниц слово в слово». (К.Чуковский о Репине. Из воспоминаний). *Слово в слово* имеет смысл — «точно», поэтому в записи для удобства применяем однословное обозначение данной качественной характеристики действия:

Время-----место

**через полвека----- точный----- десяток
страниц**

воспроизвести

он----- спор

(смысл слова **этот** представляет отсылку к предшествующему отрезку текста, где описывается спор Репина с художником Семирадским о сущности искусства).

Функциональному расслоению обстоятельств и различию их мест в семантической структуре высказывания соответствует различная классификация их как компонентов синтаксической структуры: одни характеризуются как формально не связанные ни с какой словоформой, другие — как примыкающие к глаголу, но соединенные слабой связью («Грамматика», 1980. - С. 624, 511 — 512), следовательно, образующие словосочетание.

Соответственно, и словосочетания с относительными прилагательными, словообразовательно связанными с исходными для них локальными и темпоральными словами, могут быть охарактеризованы в семантическом плане как содержащие информацию о некотором участке ситуации и ее детерминанте. Так, в рассматривавшемся выше словосочетании **осенняя крымская жара** содержится информация не только о самом факте, но и о его времени и месте:

Время-----место

**осень ----- быть----- Крым
жара**

Детерминанты и примыкающие члены по форме неотличимы. Это создает известные затруднения при решении вопроса о том, считать или не считать некоторую словоформу входящей в словосочетание, так как неначальное положение обстоятельственного слова не исключает для него возможности быть детерминантом.

Исходя из определения высказывания как знака ситуации, несущего о ней некоторую информацию, детерминанты можно определить как несущие

информацию об обстоятельствах ситуации в целом, в отличие от присловных распространителей, детализирующих один из ее компонентов. Сравним: «**На заре она сладко так спит**» и «**Сон на заре так сладок**». Место предметной переменной предиката 'сладок' занято наименованием ситуации с ее детерминантом. *Дуэли на рассвете*. (А.Н.Толстой. Хождение по мукам); «присловность» особенно ярко проявляется в прилагательном обстоятельственного значения: *крепок заревой сон* (М.Шолохов. Тихий Дон); *самолетный ужин* (из газет).

Наш подход позволяет вскрывать различия в характере структуры информации об одном событии, например:

1. «**На пульте** // загорелась лампочка. 2. «Лампочка на пульте // **загорелась**».

В первом предложении основной смысл заключен в слове «**на пульте**», во втором – в слове «**загорелась**».

Таким образом, при наличии одних и тех же лексических компонентов в высказывании их соединение в смысловые группы может оказаться различным.

Детерминанты мы противопоставляем не только II, но и III актантам, сравним «**На кухне тепло**» и «**Я забыла папирсы на кухне**» (К.Симонов. 20 дней без войны). *Забыть* толкуется как «оставить где-нибудь»; семема этого глагола содержит сему неопределенного места (*кто* оставил *что*, *где*), названного зависимым компонентом **на кухне** (в отдельных случаях возможна редукция этой валентной связи без нарушения минимальной полноты высказывания).

Детерминант может быть также противопоставлен актанту ситуации, сопряженной с основной, сравним: «**Она стирает белье во дворе**» и «**Она стирает белье в тазу**». Ясно, что группа **в тазу** не является детерминантом, конкретизирующим всю ситуацию. Сравним: «**Она во дворе**», но «**Она в тазу**»; В этой группе обозначен один из периферийных актантов ситуации. Смысловая связь наименований посуды, в которой производится некоторое

действие, вводится опосредованно, через смысл «цель», как и наименований орудия, средства.

С помощью представления смысла словосочетания, принятого в нашей работе, можно наглядно продемонстрировать смысловые структуры различной степени сложности и специфику информативной функции словосочетания. Полипредикатность смыслов высказываний и словосочетаний эксплицируется с учетом иерархичности их устройства.

Уплотнение информации путем увеличения ярусности предикатов смысловой структуры высказывания является чрезвычайно эффективным средством ее передачи, сравним разрозненность информации в речи дошкольника: *«Видели кобру. Там были две кобры. Они лежали неподвижно... Видели медведя белого. Там было два медведя»* («Русская речь», 1982, № 4) — и возможность изложить в двух строках четыре эпизода, составляющих основное содержание «Поэмы об арбузе» Э. Багрицкого. Например: *«Девушка находит на берегу выброшенный прибором арбуз с нарисованным сердцем — очевидно, с погибшей икхуны»*. (К.Паустовский. Золотая роза).

В следующем разделе нами дается описание смысловой структуры словосочетаний и их функциональной специфики. Оно ведется с учетом возрастающей сложности обозначаемых ими ситуаций и соответствующих предикатных построений и базируется на сопоставлении синтаксической структуры и логической структуры смысла словосочетаний.

В заключение важно еще раз подчеркнуть, что синтаксическая структура сама по себе отнюдь не асемантична; она обладает своим собственным смыслом, выражаемым в терминах грамматической семантики. Противопоставление обеих структур осуществляется нами не по признаку наличия/отсутствия смысла, а по признаку совпадения/несовпадения числа компонентов обеих структур и иерархических отношений между ними. Отдельные наблюдения и замечания, касающиеся несовпадения направления грамматического и смыслового подчинения в словосочетании, сделанные еще П.М.Перевлесским и И.И.Срезневским, нашли свое подтвержде-

ние и дальнейшее развитие в процессе изучения словосочетаний в функционально-семантическом аспекте.

2.2. Словосочетание как знак одноактантной ситуации

Одна и та же ситуация может быть описана предикативным образованием — высказыванием и непредикативным — словосочетанием, если она включает один предмет и один признак, которым этот предмет себя проявляет в описываемом отрезке действительности, иначе говоря, если некоторый предикат имеет одну предметную переменную: $P(x)$. Имена одноместных предикатов состоят из непереходных глаголов и образованных от них существительных, некоторых подклассов неглагольных существительных и качественных прилагательных.

Такая ситуация может быть передана как высказыванием, например, «*Пчела жужжит*», так и словосочетаниями *жужжащая (-вшая) пчела*, *жужжание пчелы*, смысловое различие между которыми заключается в том, что в первом случае ситуация обозначена с преимущественной направленностью внимания в сторону ее субъекта, а во втором — в сторону действия.

Конструктивное различие предикативных и непредикативных образований находится в строгом соответствии с их функционированием в роли основной и побочных ситуаций, сравним: «*Пчела надоедливо жужжит над головой*», где распространители лишь детализуют основную ситуацию, и «*Жужжащая пчела (жужжание пчелы) меня раздражает*», где, наоборот, отмеченная ситуация выступает как побочная по отношению к другой, основной: «*Меня раздражает х*». В сложном предложении «*Меня раздражает, как жужжит пчела*» эта роль выступает особенно наглядно, будучи сопряженной с подчиненной синтаксической позицией придаточной части по отношению к главной части всего предложения.

Различие между предикативной и непредикативной формами отражения ситуации становится менее значимым, когда эти формы выступают в зависимой позиции, занимая во всех случаях одно, и притом одно и то же, синтаксическое место. Так, в высказывании, организованном двухместным предикатным словом «*слышать*», конструкции обеих разновидностей выступают как функционально тождественные, являясь наименованием второй переменной.

Сравним: «*Я слышу жужжание пчелы*», «*Я слышу жужжащую пчелу*», «*Я слышу, что (как) жужжит пчела*».

К числу словосочетаний, с помощью которых можно описывать одноактантные ситуации, принадлежат словосочетания, соотносительные с некоторыми двусоставными предложениями глагольного и именного классов.

1) **Словосочетания типа АН**, например: *Приезжавшие офицеры объясняли...*» (А.А.Игнатъев. 50 лет в строю) — у словосочетания структурно независимая позиция и место I актанта;

«...чтобы пропустить беспорядочно *отступающие передовые роты*». (А.А.Игнатъев. Там же). У словосочетания также независимая позиция I ранга, но место II актанта;

«*Невеселому виду сибирских казаков соответствовал облик... впоследствии трагически погибшего в Восточной Пруссии генерала Самсонова*» (там же) — зависимая позиция, но уже за пределами структурной основы предикативной единицы, содержащей данное словосочетание.

Сюда могут относиться словосочетания с действительными причастиями; страдательные употребляются при обозначении ситуаций другого типа и формируют глагольный узел, характеризующийся наличием имен двух актантов, сравним: *из-под запущенных инеем век*. (М.Шолохов. Тихий Дон).

2) **Словосочетания типа НН**, главное слово которых является существительным, образованным от одноактантного глагола, а зависимое обладает семантикой субъекта названного действия. Например: *вспышки зарниц, вой юнкеров, крик птицы*, характеризующиеся обычно как словосочетания с родительным субъекта.

Возможность дальнейшего распространения, позволяющая отразить еще одну (или больше) микроситуацию, используется (преимущественно в письменной форме литературной речи) очень активно, сравним у Л.Леонова: *вой пикирующих юнкеров, недавно начатое движение трамваев после отбоя, приход в цивилизацию новых пробуждающихся рас* (Русский лес); у К. Паустовского: *шуршание листа, слетавшего с вершины дерева на траву*,

всплеск крытого фонтана, вздох спящей птицы, беззвучное течение строк, которые слышишь ты один и больше не слышит никто (Повесть о лесах).

3) **Словосочетания типа НН2** с господствующим словом релятивной семантики — именем конкретного предмета, составляющего часть другого предмета, обозначенного зависимым именем. Для одного класса случаев речь идет о принадлежности предмета в качестве конструктивной части некоторому сложному целому, например: *каркасы зданий, пирс причала, быки глубоководного моста*.

Отношение вхождения в состав заключено в самом смысле сочетающихся слов (**Н**), принадлежащих к семантическому подклассу неодушевленных существительных, обозначающих искусственно созданный человеком предмет, предназначенный для функционирования в составе более сложного предмета, обозначаемого с помощью **Н2** (*стрелка часов, ручка арифмометра*).

Особый класс составляют сочетания неодушевленных имен, обозначающих часть предмета естественного происхождения и весь предмет: *устье реки, ствол сосны*. В их господствующих словах содержится отношение неотъемлемой принадлежности части целому, объективно обнаруживаемое при сопоставлении трансформационных возможностей словосочетаний обоих классов. Так, словосочетания типа *стрелка часов* можно свободно трансформировать в предложные сочетания с предлогами *для* и *от*, семантической особенностью которых является наименование более мелкого предмета как еще отдельного или уже отделенного от более крупного; сравним, с одной стороны, *стрелка для часов (весов), стрелка от часов (весов)*, «Наливают уху. Кому в кружку, кому в стаканчик от термоса, кому в стаканчик от фляжки» и, с другой стороны, невозможность сочетаний *берег для реки, берег от реки*. Вместе с тем, при имитации предметов естественного происхождения преобразования подобного рода оказываются возможными. Так, в процессе изготовления искусственных цветов заготавливаются венчики для цветов, стебельки для цветов и пр. (*после демонстрации на улицах можно видеть те же венчики, листочки и стебельки, но уже «от цветов»*).

Описание двух названных классов представляется более предпочтительным, чем такое описание, в котором не разграничиваются примеры, относящиеся к обоим классам. Посмотрим, например, как это сделано, в пункте а) Словосочетания, выражающие отношение части к целому: *рукава пальто, ветви тополей, воротник шинели, лепестки мака, дверца шкафа*; они легко выстраиваются в два ряда, противопоставленных и по синтаксической форме, и по смыслу.

Третий класс случаев формируется существительными иных семантических подклассов: *Н* — неодушевленное существительное, обозначающее уже не конструктивную, а соматическую деталь; *Н2* — одушевленное существительное: *палец деда, хвост белки*. В этом классе, как и в предыдущем, принадлежность носит характер неотъемлемой, и словосочетания этого класса справедливо характеризуются как обозначающие соматическую (органическую, неотчуждаемую, физическую) принадлежность.

Близость I разновидности к III не вызывает сомнения, сравним их изофункциональность в таком контексте: «*Никто не обращал на меня особого внимания, но я был своим, как палец руки, как ручка ножа, как необходимая часть целого*». (К.Паустовский. Золотая роза).

В ряде пособий не различаются две разновидности отношения принадлежности — соматическая и юридическая, которую мы считаем формирующей особый разряд. Так, в АГ (Академической грамматике) примеры соматической принадлежности перемежаются примерами юридической принадлежности: *голова девочки, кабак дяди Рылкина, шея Маши, дом Кожмякина*. Однако учитывать их смысловое различие необходимо, так как оно связано с существенными отличиями в лексическом наполнении анализируемой синтаксемы и в сочетаемостных свойствах наполнителей. Словосочетания, главное слово которых включает смысл «соматическая принадлежность», формируются из существительного неодушевленного со значением неотчуждаемого предмета — части тела (органа) и существительного одушевленного, личного или неличного; здесь следует

говорить не столько о принадлежности, сколько о составности. Словосочетания же с имплицитно содержащимся отношением юридической принадлежности формируются из существительного неодушевленного со значением обособленно существующего, отчуждаемого конкретного предмета и одушевленного существительного, но только со значением лица.

Семантическое отличие этих словосочетаний в том, что отношение юридической принадлежности привносится извне и устанавливается всякий раз заново, тогда как, смысл «соматическая принадлежность» составляет константу в толкованиях слов со значением чьей-либо части тела, входит в их смысл как составная часть (в ряде, языков эти два разных вида принадлежности оформляются с помощью совершенно различных морфологических средств).

Различия в сочетательных свойствах сводятся к следующим. Существительные, обозначающие часть тела (орган), в силу специфики своего значения (неотчуждаемости) обладают принудительной сочетаемостью с наименованием того целого, которому названная часть принадлежит; в противном случае получатель речи, в силу той же неотчуждаемости, воспринимает наименованную часть тела как принадлежащую отправителю речи. Если же такое слово употреблено абсолютивно, то это настолько противоречит норме, что создает яркий комический эффект. Примером может служить название сценария, который Остап Бендер предложил Первой черноморской кинофабрике,— «*Шея*» и реакция глухого кинодеятели, конструирующего звуковое кино: «*Шея*» — по как раз то, что нам нужно». (И.Ильф и Е.Петров. Золотой теленок).

На свойстве релятивности смысла слов со значением частей тела базируется один из комических эффектов в юмористической заметке «Как стать атлетом за месяц?»: *В статье написано, что ноги нужно поставить на ширину плеч, а на ширину чьих плеч, не сказано. На всякий случай поставил на ширину плеч В. Алексеева. Сделал шпагат*» (из газет).

Нередко наблюдается своеобразный обмен компонентой у словосочетаний различных групп, причем, как правило, на месте наименования конструктивной

части неодушевленного предмета стоит наименование части тела или органа. Например: *Танки... с темными хоботами пушек; хобот пулемета*. (А.Фадеев. Молодая гвардия); *хобот лафета* (Л.Соболев. Пушка без мушки); *рыльца пулеметов* (ж. «Сельская молодежь», 1990, № 3), *раскаленный зев молотилки* (там же), *серебряное брюхо самолета* (К.Федин. Костер). Многие из этих метафор стали языковыми, и у ряда слов образовались отдельные лексические значения.

В других случаях заимствование происходит в рамках одного семантического подкласса слов, однако и при этом условии метафоричность одного из компонентов проявляет себя с достаточной очевидностью, например: «голос запел в темном маленьком трюме разошедшей скрипки». (Сочетаемость свойства таких существительных отражена не только в текстах, но и в соответствующих статьях словарей, где названия частей тела толкуются с включением существительного в родительном падеже, указывающего, кому принадлежит часть тела, упомянутая в начале статьи.

Предъявление информантам предложений, включающих названия частей тела с изъятыми зависимыми словами: «*В это время голова высунулась из двери*», «*Белая шея слабо развита*» и др., наталкивалось на требование восстановить опущенный структурно необходимый член, что явствовало из настойчивых вопросов информантов («*Чья голова?*», «*Чья шея?*») и советов вроде следующих: «Тогда надо сказать: «*Чья-то голова высунулась из двери*», «*какая-то голова*», «*чужая*».

Облигаторная сочетаемость в определенных конструкциях сопряжена с наличием обязательного определения к существительному, обозначающему часть тела, тогда как в тех же конструкциях для имен, обозначающих отчуждаемый принадлежащий кому-то предмет, такого ограничения не существует, а определение носит сугубо факультативный характер, сравним:

мужчина с разбухшим глазом (с глазом) и мужчина с разбухшим чемоданом (с чемоданом). Отсутствие прилагательного нередко создает комический эффект.

Анализ дистрибутивных свойств и трансформационных возможностей словосочетаний обеих групп делает еще более очевидной необходимость их разграничения, объективно доказывая их смысловую неидентичность.

IV класс словосочетаний, реализующих тип *ННЗ*, представляют сочетания, в которых господствующее слово обозначает предикат, задающий место для имени предмета, характеризуемого в количественном отношении. В этих словосочетаниях зависимое слово трактуется как необходимое смысловое добавление, восполняющее информативную недостаточность главного слова, например, *два дома*. Но информативно более весомым является предметное имя, а информативно дополняющим — количественное (при пробе на свертывание устранимым оказывается не господствующее, а зависимое имя).

4) Словосочетания типа *АН*, включающие качественные прилагательные (относительные прилагательные участвуют в отражении ситуаций иного порядка, сближаясь в этом со страдательными причастиями).

В логико-смысловую запись высказывания, содержащего словосочетание типа *АН*, включается дополнительный предикат к имени предметной переменной, называющий признак, каким проявляет себя данный предмет, сравним, например, запись словосочетания *отодвинуть тяжелый шкаф*, содержащего, наряду с основной информацией (*отодвинуть шкаф*), дополнительное сообщение о том, что шкаф был тяжелым:

отодвинуть

x-----тяжелый-----шкаф

Периферийные атрибутивные словосочетания противопоставляются предикативным сочетаниям, где указание на признак становится основным звеном сообщения, и остальные части высказывания призваны лишь детализировать его, как, например, в следующем описании: «*Свет был тихим, драпировка окон стесняла его проникновение, он бедно размещал блестки на серебре и бронзе подарков*». (К.Федин. Первые радости, гл. 28). Здесь были прокомментированы причина и следствие того, что передано в основном сообщении.

Смысл распространителя может соединяться со смыслом распространяемого, образуя целостное единство. Сравним рассуждения П.В.Чеснокова о быстро удаляющемся *космическом корабле* и В.Грабе и П.Адамца об истинности высказывания *«Белые вороны не существуют»* и ложности высказываний *«Вороны не существуют»*, *«Вороны белые»*.

Синтаксема *АН* может получать, благодаря конситуации, неполную реализацию; так, при розыске раненого в госпитале избыточным становится упоминание о самом ранении, поскольку наличие этого признака предопределило пребывание всех находящихся на излечении в госпитале. Поэтому в ситуации розыска одного определенного лица актуальным становится наименование разновидности общего признака, например: *«Где тут у вас полковник Мурадов? У него **тяжелое, в живот**,—* добавил Левашов, понимая, что именно это стало теперь главным отличительным признаком полковника Мурадова». (К.Симонов. Из записок Лопатина).

Возрастание частоты употребления некоторого словосочетания ведет к неполноте представления его в речи без ущерба для понимания. Такая ситуация описана В. Катаевым: «На днях пойдет всеобщая. Может, еще месяц тому назад Петя не понял бы, о чем говорит Гаврик. Но теперь было вполне ясно: раз «всеобщая» — значит «всенародная». (В. Катаев. Белеет парус одинокий).

Другую возможность экономной передачи словосочетания, реализующего синтаксему *АН*, представляет использование словообразовательных ресурсов, среди которых особое место занимает конденсация, при которой словообразование выступает в роли механизма, транспонирующего синтаксические образования в лексические, более компактные по форме и сохраняющие их основной смысл. Например, *известковый камень > известняк*.

Принципиальная возможность конденсации, гарантирующая однозначное декодирование, заключается в устойчивом характере исходных сочетаний, представляющих собой целостное по смыслу, но отдельно оформленное наименование одной из разновидностей некоторых реалий. Конденсаты

возникают окказионально; попадая в печать, они нередко сопровождаются кавычками в знак непривычности, новизны своего употребления; приведем несколько примеров с кавычками и без

Первые *«смайлики»* в Интернете (из газет);

«эсемески» (Sms) в телефоне (в речи студентов);

«симки» (сим-карта) сгорели (в речи студентов);

из «трясилки» изделия подаются... («Наука и жизнь», 1992, №5);

вторые сутки шли по «ненаселенке» («Известия», 1990, 13 сентября);

эта «пятиходовка» несложна (там же);

«Аморалка» исходила от Офицеровой (С.Антонов. Разорванный рубль).

Таким образом, словообразование можно трактовать не только как средство пополнения лексического состава, но и как мощный конденсатор семантико-синтаксической емкости, одновременно уменьшающий размер высказываний, содержащих конденсаты, и увеличивающий языковые ресурсы путем усложнения рядов означающих для одного означаемого.

5) Словосочетания типа *N1N2*, главное слово которых образовано от качественного прилагательного и также обозначает тот признак, которым предмет обнаруживает себя в описываемой ситуации, например: *«Анатолий Михайлович понравился Лизе забавной простотой речи»*. (К.Федин. Необыкновенное лето).

Отличие словосочетаний этого типа от предыдущего, при всем сходстве лексического материала у них обоих, является весьма существенным, но проявляется оно не на уровне логической структуры смысла, которая идентична описанной в пункте 4, а на уровне смыслового подчеркивания в рамках словосочетания. По-разному морфологизованные компоненты словосочетаний несут различную по важности смысловую нагрузку. Выдвижение одного из компонентов на позицию синтаксически господствующего слова способствует переносу коммуникативного акцента в словосочетании именно на данное слово, сравним: *«Простая речь была забавной»* — *«Простота речи была забавной»*, где в первом словосочетании господствует наименование

процессуального предмета (*речь*), а на втором — наименование его признака (*простота*).

Если в качестве зависимого слова при отадъективном имени выступают отглагольные существительные или глаголы в форме инфинитива, а также отадъективные имена, то это отражает усложненный характер элементарной ситуации, ибо имя предметной переменной, и свою очередь, связано с некоторой ситуацией. Обозначение участников такой микроситуации обычно производится при помощи структурно необходимых распространителей зависимого имени («Грамматика» 1980 г. никак не отмечает их отличия от случайных контекстных окружений); покажем их в тексте разрядкой, например: **«Свобода... е г о движений поразила меня»; «...обнажив всю непочатость простодушия р е б е н к а».**

Усложненность такой ситуации подтверждается возможностью передачи смысла настоящего высказывания в форме сложного предложения, в котором именной группе анализируемого высказывания соответствует предикативная единица, сравним: **«Меня поразило, как свободны его движения».**

6) Словосочетания типа *НІС*, главное слово которых выражено отадъективным существительным модального значения, а зависимое — инфинитивом типа ***возможность отдохнуть, необходимость работать***, соотносятся по смыслу с односоставными безличными предложениями: «Можно отдохнуть», «Необходимо работать». Их структура хотя и не предусматривает позиции подлежащего, но резервирует место для имени субъекта, с которым сопряжена и названная модальность действия, и само действие, в форме ***НЗ (тебе, Ивану)***. Этот субъект обязательно должен выступать в смысловой структуре рассматриваемых словосочетаний; тем самым его семантический статус существенно отличается от статуса детерминантов как действительно самостоятельных распространителей предложений.

7) Словосочетания типа *ННр* включают существительное, согласованное с другими в падеже. Сюда относятся не все семантические разновидности,

рассматриваемые обычно в приложении, поскольку степень семантической сложности их различна, а только родственные по смыслу и словообразовательным связям прилагательным и глаголам:

а) «рядом с гигантским терриконом уже не было стройного **красавца-копра**». (А.Фадеев. Молодая гвардия). Другие предложения этой группы имеют аналогичную смысловую и словообразовательную структуру, восходя к качественным прилагательным, как, например, **старуха, весельчак, упрямец, великан**. Они могут обозначать качественный признак, размер, возраст лица, животного или неодушевленного предмета. Например: **красавец-матрос** (К.Паустовский. Черное море), **красавец-петух** (Его же. Золотая роза), **хвостовое оперение моей красавицы «Родины»** (М.Раскова. Записки штурмана); **подводная лодка-«малютка»** («Наука и жизнь», 1992, № 3, с. 24), **старушка-люстра** (К. Паустовский. Повесть о лесах);

б) существительные **нытик, плакса, рева, хохотушка, зазнайка, выскочка**, обозначающие качественно-процессуальный признак лица, реже — неодушевленного предмета: **висюлька, катушка, тянучка**.

Своеобразие способа соединения компонентов в этом типе дало повод говорить об особом типе синтаксической связи. Он призван выразить особую семантику субстантивных словосочетаний. Она не вполне тождественна родственным по смыслу сочетаниям с однокоренными прилагательными и глаголами. Так, сочетание **парень-весельчак** по смыслу богаче, чем сочетание **веселый парень**. Потому что это всегда или, во всяком случае, часто **веселый парень**. Аналогично и **зазнайка, нытик** — это тот (та), который (-ая) всегда, т. е. при всяком удобном случае, зазнается, ноет.

Таким образом, однопредметную ситуацию, обозначенную словосочетанием, включающим приложение, словообразовательно связанное с прилагательным или глаголом, можно изобразить как усложненную дополнительным смыслом «очень» либо «всегда». С другой стороны, очень близки между собой по смыслу разноструктурные качественные характеристики с дополнительным указанием на то, что интенсивность

признака намного превышает норму. Сравним универбы *умница, силач*, где количественный смысл, наряду со значением предметности, содержится в аффиксе, и словосочетания *большого ума человек, человек необыкновенной силы* (или *с необыкновенным умом, с необыкновенной силой*), в которых количественный смысл выражен более эксплицитно, отдельной лексемой.

Знак однопредметной ситуации может включать и факультативные компоненты — присловные детерминанты, например, «Обедать на кухне очень удобно»; в смысловой структуре некоторых атрибутивных словосочетаний комбинируется смысл ситуации и ее детерминанта, например, *праздничный салют, океанский шторм*. В этих случаях воплощение одноактантной ситуации осуществляется не в высказывании или словосочетании, а в отдельной лексеме. Так, события в сфере явлений природы именовались в русском языке то существительными, то глаголами. Например: *дождь, вьюга, пурга, дождит, вьюжит, пуржит*.

Разновидность переходных форм составляют конструкции с двухвалентными глаголами (или образованными от них другими частями речи), употребляемыми в одном из своих значений как одновалентные, например, *искать* — «стремиться к новому (в науке, искусстве)»; сравним: «Америка... Волны неверия... Конечно, есть и там люди, которые ищут». (Н.Амосов. Мысли и сердце). Сравним *ищущий врач, думающий педагог*. Далеко не всегда такие значения регистрируются в словарях. Так, *лечить* толкуется только как «кого-что», то есть *применять медицинские средства для избавления...*, но не отмечен: возможное «Обладать целительной способностью»; именно в этом значении употреблен глагол в заголовке «Холод *лечит*». В заголовке «Мы забываем» (В.Солоухин. Девочка на урезе моря) автором используется словосочетание *забывчивый сосед*. В нем вторая валентность редуцируется в связи с переосмыслением глагола в плане указания на возможность, способность, склонность. Благодаря этому коммуникативный акцент переносится на внутренние свойства субъекта. Происходит «нейтрализация

переходности и имя второго актанта становится ненужным (очевидно, именно этот смысл вошел в семему слова *ищейка*).

Еще пример: «По его краю (сосняка) идет заросшая дорога». (К.Паустовский. Золотая роза). Согласно данным словарей, зарости значит «покрыться какой-либо растительностью». Однако автор вправе не детализировать ситуацию, если минимум семантической и структурной полноты им достигнут, поэтому винительный «спецификации» при *танцевать*, творительный субъекта при *зарости* считаем факультативными.

В словосочетаниях, рассматривавшихся в настоящей главе, со всей определенностью обнаруживалось соответствие их грамматической организации обозначаемой ими ситуации и выражаемому ими логическому смыслу. Вместе с тем, факты отсутствия прямого соответствия подчеркивают специфичность словосочетаний как языковых знаков.

Заключение

Функционально-семантический анализ словосочетаний позволяет внести некоторые уточнения в уже добытые лингвистикой сведения об их качественной специфике и связанных с ней особенностях их функционирования.

Наши наблюдения показали, что словосочетания функционально неоднородны. Одни из них существуют в языке до предложения. Своей воспроизводимостью они функционально близки к словам, являющимся исходным материалом для построения высказывания. К ним мы относим словосочетания с высокой степенью устойчивости. Например: *высокое давление, брить бороду, гелевая ручка*. Другие же формируются только в процессе построения высказываний, реализуя сочетаемостные свойства, являющиеся неотъемлемой принадлежностью слова в языке. Так в числе языковых ресурсов нет готовых единиц *редкая птица, долететь до середины Днепра*. Но есть слова с присущей им сочетаемостью, например: *редкий +Н1, долететь+до+Н2*, которые и делают возможным построение названных и подобных им словосочетаний. Общепринятое определение функции словосочетания как номинативной безусловно справедливо, но представляется недостаточным, так как они различаются по степени функциональной нагруженности. Это позволило нам сгруппировать словосочетания по функциональным классам: эксплицитным и имплицитным.

Наш подход позволил разграничить ряд пар формально тождественных словосочетаний, например, типа *Маша-резвушка, девочка-козочка*, различающихся не только объемом передаваемой информации, но и характером этой передачи (в первом случае свойство предмета обозначено эксплицитно, во втором – через имплицитно содержащий смысл «похож»).

Словосочетания с повышенной функциональной нагрузкой, все более активно образуемые используемые, составляют сильное звено синтаксиса, так как отвечают современному стремлению к лаконичности, простоте.

Сказанное выше позволяет заключить, что логико-смысловая структура словосочетаний является полноправным объектом лингвистического исследования. Анализ их в этом плане дополняет картину собственно синтаксических связей компонентов словосочетаний и их отношений, характеризуемых в терминах грамматической семантики, картиной их логико-смысловых связей. Последние часто оказываются сложными, опосредованными, так как некоторые звенья логико-смысловой структуры остаются «за кадром» и словесного оформления не получают. Высокая частотность сложных и комбинированных словосочетаний приводит к заключению, что в предложении большая, а нередко и подавляющая часть информации передается словосочетаниями.

Многоаспектность анализа и необходимая полнота описания словосочетаний может быть достигнута только с учетом их семантических и функциональных свойств.

Библиография

1. Адамец П.О. О семантико-синтаксических функциях девербативных и деадъективных существительных. // Филологические науки, 1983, № 4.
2. Адмони В.Г. Основы теории грамматики. – М., 1994.
3. Грамматика русского языка. – М.: Наука, 1980.
4. Арутюнова Н.Д. О значимых единицах языка. // В кн.: Исследования по общей теории грамматики. – М., 1987.
5. Бондарко А.В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений. // В кн.: Функциональный анализ грамматических категорий. – СПб., 2005.
6. Бредихина В.П. Строение и функции словосочетания с приименным родительным падежом в современном русском языке. – М., 2003.
7. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о языке). – М., 1986.
8. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса русского языка. // В кн.: Вопросы грамматического строя. – М., 1987.
9. Гак В.Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания. // В кн.: Семантическая структура слова. М., 1991.
10. Глотова И.П. Семантическая конденсация в разговорной речи. // Язык и общество. – М., 2005.
11. Егорова И.Н. Позиционные эквиваленты слова в составе предложения. // В кн.: Грамматические исследования. – М., 2001.
12. Засорина Л.Н. Моделирование содержательной стороны высказывания. – М., 2003.
13. Золотова Г.А. К развитию предложно-падежных конструкций. // В кн.: Развитие синтаксиса современного русского языка. – М., 1987.
14. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М., 1983.
15. Кодухов В.И. Функции и значения. // В кн.: Язык и мышление. – М., 1985.

16. Леонтьева Н.Н., Никитина С.Е. Опыт описания семантики предлогов. – М., 1980.
17. Ломтев Т.П. Принцип отражения и его значение для лингвистической семантики. – М., 1990.
18. Ломтев Т.П. Квантитативы современного русского языка.// В кн.: Памяти В.В.Виноградова. – М., 1978.
19. Мельничук А.С. О знаковой природе предложения.// В кн.: Язык как знаковая система особого рода. – М.: Наука, 1991.
20. Мухин А.М. Синтаксема как функциональная синтаксическая единица. – М., 2006.
21. Печников А.Н. Словосочетание как синтаксическая единица. – М., 2001.
22. Попова З.Д. Синтаксическая форма как предмет синтаксиса // В кн.: Теоретические проблемы русского синтаксиса. – М., 2003.
23. Распопов И.П. Язык как система знаков в свете философской теории отражения.// В кн.: Современные проблемы русского языка. – М., 1989.
24. Ревзин И.И. Формальный и семантический анализ синтаксических связей в языке. // В кн.: Применение логики в науке. – М., 1982.
25. Серебренников В.А. Специфические особенности коммуникативной знаковой системы. // В кн.: Общее языкознание. – М., 2001.
26. Тулина Т.А. О способах эксплицитного и имплицитного выражения сравнения в русском языке. – М., 1991.
27. Черемисина М.И. Некоторые вопросы семантики. – Новосибирск, 1989.
28. Чеснокова Л.Д. Классификация слов на основании их пассивной сочетаемости. В кн.: Вопросы русского синтаксиса.- М., 1993.
29. Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М., 1987.
30. Ярцева В.Н. Предложение и словосочетание. – М., 1991.
32. www.philology.ru
33. www.google.ru
34. www.yandex.ru
35. www.metodist.ru